

Александр Коломийцев

с. Зональное,
Алтайский край

Милетянин в Афинах

Исторический роман

(Продолжение. Начало в № 10/2016, № 2–10/2017)

– 10 –

За водоразделом чувствовалось присутствие человека. Голый склон представлял собой не успевшее оправиться после летней жары пастбище. Кустарник, нижние ветви деревьев на опушке были безлистными, торчали обглоданными прутьями. Анаксимандр направился поперёк склона, оставляя для себя возможность в случае опасности скрыться в лесу. Пройдя около полусотни плетров, сторожким взглядом отыскал козье стадо, производившее опустошение окрестностей. Остановившись, пригляделся и заметил пастуха, сидевшего под кустом и, очевидно, давно наблюдавшего за ним. От стада и пастуха его отделяло не более трёх плетров, пока Анаксимандр раздумывал, подходит ли к

пастуху, от стада к нему устремились три мохнатых пса. Анаксимандр остановился и что есть мочи крикнул:

– Пастух! Уйми своих демонов! Я один и иду с миром.

Всё же, приготовившись к защите, взял одно копьё наподобие палки.

Козий пастырь встал, приставил ладонь козырьком ко лбу, разглядывая пришельца. Но, очевидно, уши служили ему лучше глаз, и Анаксимандр, глядя на приближающихся свирепых псов, прокричал во второй раз. Пастух издал звук, похожий на шипящий свист, который Анаксимандр едва различил. Но псы, находившиеся совсем рядом, остановились, опустили морды и позволили путнику продолжить движение, тем не менее всем видом показывая, что они рядом и каждый миг начеку. Анаксимандр, сторожко вглядываясь в приземистую фигуру, приблизился. Пастух оказался седобородым стариком, опирающимся на увесистую клюку, и также испытующе вглядывался в подошедшего путника.

– Хайре, добрый человек! – произнёс Анаксимандр со всей возможной доброжелательностью.

– Хайре! – отвечивал пастух, продолжая разглядывать незнакомца.

– Мир и благоденствие дому твоему и семейству, – продолжал Анаксимандр, гадая, какое впечатление произвёл его необычный наряд на престарелого простолюдина. Враждебности лицо старика не выражало, только вполне объяснимую настороженность. Закончив приветствие, протянул руку.

Старик принял рукопожатие, добродушно ответил:

– Пусть и твоему дому и семейству сопутствует благополучие и мир, – и на правах хозяина, продолжал: – Не притомился ли, путник? Присядь, отдохни, утоли голод и жажду.

Пастух цыкнул на собак, и те послушно отошли к стаду. Анаксимандр охотно присел. Старик устроился рядом, вынул из торбы ячменную лепёшку, козий сыр, чеснок, солёные маслины, глиняный лекиф, приглашающе повёл рукой.

– Угощайся, – и первым преломил лепёшку.

Путник не заставил себя долго упрашивать и отправил в рот горсть маслин – организм истосковался по солёному. Старик был не богат, скорее беден, в лекифе оказалось сильно разбавленное вино, вернее вода, покрашенная вином. Утолив голод, гость приступил к вежливому разговору:

– Далеко ли твоя деревня, старик? Чьих коз пасёшь?

– Деревня моя там, – старик показал за лесистый отрог горы. – А козы Фидиппидовы, Неокловы, ну, и мои тут же.

– Богато ли живёте? Чем пропитание добываете?

– Да какое наше богатство? – усмехнулся старик. – Репа с чесноком на огороде да пара коз. Держат люди и виноградники и ячмень сеют. В горах земля скудная, пастбища бедные, сильно не разбогатеешь. Это там, в долинах, люди живут, а мы с голоду не пухнем, и то ладно. А я и вовсе коз пасу. Стар стал за плугом ходить да землю мотыжить. Хорошо, собак выучил, а то бы и коз пасти не смог.

– А что, от войны прибытку не имеешь?

Старик хмыкнул, потрепал гостя по плечу.

– Какой у землепашца прибыль от войны? Ходил и я на персов. Так это когда было? Тогда персы, как саранча, Элладу заполонили. Тогда не о добыче думали – как бы отчину оборонить, в живых и то не чаяли остаться. А как в походы стали ходить, я уж состарился для военного дела, да и руку мне персы рассекли. Вроде зажила, а прежней силы не стало, сейчас и вовсе плеть плетью. Не пахарь, не воин, только и осталось, что коз пасти. Вот такие мои дела. А ты кто будешь, добрый человек? Издалёка ли идёшь?

Анаксимандр рассказал заготовленную историю, в общих чертах отражавшую действительные события.

– Я из Ионии, из Милета. Торговлей кормлюсь. В Аттику приехал розовое масло продать, амфор, изделий лакедемонских кузнецов закупить, в Милете сбить. Да вот лихие люди ограбили, товар весь отняли, деньги. Сам чуть жив остался. Избили до беспамьятства, бросили в лесу нагого.

Очнулся, не помню, где я, куда идти. Верно, крепко по голове саданули. Не помню, сколько дней по лесам блуждаю. Как теперь домой доберусь? Ни одежды, ни денег, ни друзей, – он горестно покачал головой, ожидая, как старик воспримет его рассказ.

Старик заметил простодушно:

– Вишь как, богатым тоже не сладко приходится. И как там у вас, в Милете? После персов отстроились? Как под персами жилилось? Ты человек, как вижу, не молоденький, должен помнить. Я ещё молодой был, даже не женатый, водили афиняне триеры на помощь Милету, да ни с чем вернулись. Разбили персы и афинян, и ионийцев. Помнишь те времена?

– Как же не помнить? Помню кое-что. Я тогда совсем малым ребёнком был. Да то, что персы с Милетом сотворили и младенцы на всю жизнь запомнили. Пожгли мидяне город, камня на камне не оставили, а сколько народа погубили, в рабство угнали, сосчитать невозможно. У меня отец после той битвы увечным остался. Из всех детей только я выжил. Брата, сестру в рабство угнали. Что с ними случилось – неизвестно, так и сгинули. Но и мы своего часа дождались, вернули долги варварам. – Анаксимандр отстегнул циновку, показал шрам. – Вот отметина с тех пор. Достал-таки меня перс копьём. Это уже когда на суше бились, зачали-то на кораблях. Но успел я поквитаться и за отца, и за сестру, и за брата, и за мать. А Милет? Милет отстроили, и дома, и храмы, и порты. Да уж нет того счастья, что было. И хиреть не хиреет, и расцвести не расцветёт. Старые люди так говорят, сам-то я тех времён не знаю. С Афинами, конечно, Милет не сравнить.

– И как рана? Зажила? – с явным интересом спросил старик.

– Хороший врачеватель попался. Всё зажило, только шрам остался.

Козы, поедая траву на полянах, объедая кустарники, углубились в чашу. Собаки, не дожидаясь окрика хозяина, лениво поднялись, с предостерегающим лаем вернули прожорливых ослушниц на опушку.

Прошло пять Олимпиад, повзрослели дети, родившиеся после нашествия, а вой-

на, полыхавшая на просторах Эллады, продолжала занимать умы, волновать опалённые души и геоморов, и ремесленников, и эвпатридов.

– Веришь ли, нет, – продолжал вспоминать старик, – вернулись домой, одно голое пепелище нашли. Всё разграбили подчистую. Горшки, и те растащили. Что унести не смогли, побили, пожгли. Виноградники попортили, повырубили. Варвары, одно название. Да разве у эллина поднимется рука виноградную лозу рубить? Это ж дар божий, самого Диониса подарок.

– Где прятались, в горах? – спросил милетянин.

– В Афинах. Надеялись за стенами укрыться. Да где там, пришлось на Саламин переправляться.

– Руку тогда повредили?

– Да нет, позже. У Платей. Слышал, какая сеча была?

– Как же, как же. Слухом земля полнится. А дети твои, что ж?

– Дети, дети... – старик вздохнул с присвистом, посмотрел на небо, помолчал. – Дочки замужем. Сыновья, как срок подошёл, как ушли с персами биться, так я их не видел. Старший на Кипре погиб, а младший нынче в Египте голову сложил. Вот тебе и ответ, какой землепашцу прибыток от войны. Это городским богатеям рабы нужны, побольше да подешевле. У нас земля-кормилица, нам мир нужен.

Пастух и путник помолчали, думая каждый свою горестную думу. Огнедышащая упряжка давно добралась до зенита и будто остановилась. Её возникший словно старался напоить землю теплом перед близившейся непогодой и не торопил коней. Анаксимандр почуял, воспоминания о днях, наполненных повелительными звуками авлосов, направляющих чеканную поступь фаланг, пением боевого пеана, звоном мечей, свистом стрел, доставляют удовольствие старику, и, стараясь расположить к себе возможного спасителя вниманием и участливостью, продолжил расспросы.

– И как же вы с Саламина вернулись? Крепко биться пришлось?

– Да уж, лилась кровушка. Как вода в проливе не покраснела, удивляюсь. Едва-едва не пришёл конец афинскому племени. Лакедемоняне зауросили биться с персами в море. И то сказать, этих демонов тьма-тьмушая. Корабли всё большие-пребольшие, наши триеры рядом с ними, что челны. В общем, задумали лакедемоняне увести свой флот к Пелопоннесу, и от нас, афинян, того же требовали. А на Саламине-острове ступить некуда, беженцев, что солёных тунцов в пифосе. Флот с войском уйдёт, кто их, детей малых да баб, оборонит? Одна участь у всех будет – смерть или рабство. Персы никого не пощадят. Нашёл-ся среди наших державных мужей такой Фемистокл. – Анаксимандр кивнул, дескать, известно это имя и в Милете. – Будь благоденственны его родители – Неокл и Абротона. Фемистокл этот самый, его командующим афинским флотом поставили, оказался хитроvanом почище Одиссея. Дело так измыслил, что лакедемонянам деваться стало некуда, только биться, и варваров в ловушку заманил. Те на своих посудинах в пролив набились, как стельные коровы, ни развернуться, ни повернуться толком не могут. Это ж пролив, не открытое море, да ещё проходов не знают. То на камни наскочат, то на мель сядут, то друг с дружкой сцепятся. Наши триеры в бухте стояли, мы ещё затемно погрузились. Ксеркс на скале в шатре сидел, я-то сам, конечно, не видел, уж потом люди сказывали. Да-а, радовался царь, всё, мол, последний час для эллинов наступил. Да не тут-то было. Мы на своих триерах, где хошь проскочим. И триерархи наши своё дело знали, и кормчие искусными были. Впритирку с персидским кораблём триеру направят, глядь, у тех с одной стороны ни одного целого весла не осталось, все переломали. Да-а, – старик покачал головой, лицо его дышало доблестью, глаза блистали. – Было дело. Весь день бились, одолели-таки нечестивцев. Кого не зарубили, тот потонул, кто не потонул, тот убежал. Да и как было доблесть не показать, ежели на тебя с берега отцы-матери, жёны, дети глядят? Ксеркс назад, в Персию драпанул, войска в Фессалию ушли. А командовал ими

наилучший Ксеркс полководец, именем Мардоний. Ну, мы домой вернулись. Надо ж хозяйство подымать. Подняли... Перезимовали на репе с водой, только пахать да сеять затеялись, и Мардоний тут-ка. Скажи-ка на милость, опять нас понужают, аж искры из глаз сыплются. Персы... Одно название, что персы. Всю Азию Ксеркс в своё войско собрал. А самые лютые среди всех – мидяне. Уж до того лютые, зубами загрызть готовы. Вроде мы их чем-то обидели, или храмы осквернили, или богам ихним какое неудовольствие учинили. Да я их до той поры и знать-то толком не знал. Слышал, живут такие в Персии. Дак, мало ли какие племена в Ойкумене обитают. Опять со всей Аттики, со всех деревушек, городишек, из самих Афин народ на Саламин утёк. Да, а голод в те годы страшный стоял. Набедовался народ. Ничего ж не сеяно, не пахано, скотину варвары сожрали. Сколько малых детей перемерло! И скажи на милость, опять лакедемоняне ту же песню завели. У нас парнишечка только-только тетиву наловчится натягивать да меч в руках держать, в строй идёт. Первый бой, матери слезьми умываются. А лакедемонянам и горя мало. Иstm укрепили и сидят в своём Пелопоннесе, как сурки. Дескать, персы к нам не сунутся, а сунутся, так отобьёмся. То у них новолуние, то полнолуние, то поминовения, то святые дни. Никак войско выставить не могут.

– Надо же, – вставил Анаксимандр. – А с нами спартиаты так себя поставили, вроде это они Элладу спасли и персов разбили. А мы так вовсе вроде нахлебников и почитать их как избавителей и героев должны.

– Я ничего не скажу, спартиаты – вои добрые. В пешем строю кого хочешь одолеют. В море – нет, в море мы первые, а на суше они, спартиаты. Да и как иначе? Они ж не сеют, не пашут, ремеслом не занимаются. С молодых лет мечом да копьём упражняются. Только уж шибко лакедемоняне хитроумные. Спарту свою оборонить или, скажем, в поход пойти, если добыча верная, тут они готовы. А братьям своим же, эллинам, помочь, вот тут они не разгонятся. Что, не правда? Когда у вас, в Ионии, восстание было, вы у всей Эллады помощи просили,

а только мы, афиняне, триеры свои послали, да эритрейцы маленько помогли. Да и нынче на помощь Египту афинский флот пошёл. Да-а, так вот. Наши начальники видят, дело плохо, одним с Мардонием не управиться, отправили в Спарту посольство. «Или, – сказали, – высылайте войско и бейтесь, как уговорено было, или мы с персами замиримся. А вам одним не устоять. Иstm не возьмут, так на побережье высадятся». Делать нечего, выслали спартиаты войско. Командовал войском некий Павсаний. Этот Павсаний был не басилей, а приходился дядей басилею, который по жребию должен был идти в поход. Сам басилей по малолетству командовать войсками не мог, и вот ихняя герусия назначила этого Павсания. И вот по уговору Павсаний над всем эллинским войском командующим стал. Как спартиаты войско выслали, Мардоний в Беотию ушёл, а как увидел, что Павсаний никак не хочет своих под удар ставить и в битву вступать, в Аттику вернулся. Все битвы ждали, а Павсаний ни в какую, как лиса вертится. Разное говорили, одни, мол, не хочет спартиатское войско губить, другие – силу копит. Оно и вправду каждый день к нашему войску отряды со всей Эллады подходили. Крутился, крутился Павсаний, но возле Платей Мардоний напал на нас. Утром в фаланги построились, как глянули... Персов, что саранчи, фаланга за фалангой идут и идут. Вот, отчими богами клянусь, смо-трю я на эту прорву, и нет во мне страху, ну, несколько. Не знаю, как других, а нас, аттиков, такая злость в том бою взяла, да сколько ж можно? Никогда так не бились, как возле Платей. Как сошлись на мечах, тут уж никто, ни командующие, ни командиры не указ. Одна мысль, одного срубил, до другого добратся. Верить нет ли, а в том бою несколько о смерти не думал, только бы поганых покрошить да прогнать, чтобы и не смердело ими в Элладе боголюбивой. Да и то сказать, ведь до последнего предела народ дошёл, хоть так пропадать, хоть так. Так уж лучше в честном бою, чем в рабстве.

– Однако славный ты воин, старче. В стольких битвах участвовал, и жив остался, – польстил старику Анаксимандр. Он не

лицемерил, вправду так думал. – А при Марафоне не пришлось сражаться?

– Нет, при Марафоне не пришлось. Потом, когда персы Аттику заповолили, тогда, что ж, и стар и млад меч в руки взяли. А при Марафоне без меня обошлоь.

Старик некоторое время следил за парившим в небе орлом и вдруг ошарашил успокоенного путника:

– Я так думаю, беглый ты раб. Лихие люди, что тебя ограбили, самого тебя на Лаврионовы рудники продали, а ты сбежал. Пришёл ты с той стороны, говоришь, купец, а у самого руки огрубелые, не купеческие. Так ли?

– Так, но я вправду купец, – коротко ответил Анаксимандр, с замиранием сердца ожидая дальнейших действий пастуха. Одно его слово, и псы не позволят и шагу ступить.

– Ты меня не бойсь, – наконец вымолвил старик. – Я тебя не выдам. Единого мы с тобой племени, на одном наречии разговариваем. И с персами ты бился, я их отметины знаю. Ежели человек кровь за Элладу проливал, не может он рабом быть, так я понимаю, несправедливо это. Да и боги постановили эллинам свободными жить. Так что, будь спокоен, не сомневайся, не выдам.

– Помоги мне, – проговорил Анаксимандр хрипло, с натугой выдавливая слова, понимая, что нечем бедняку помочь ему, разве сыром да лепёшкой чёрствой ячменной поделится. И безрадостен стал солнечный день, и усталость от ходьбы навалилась. – Помоги, я тебе отработаю.

– Чем же ты мне отработаешь? – с беззлойной насмешливостью спросил старик. – Ремесло какое-нибудь знаешь?

– Купец я, – обречённо ответил Анаксимандр. – Грамоту знаю. Мечом, копьём владею, военную науку не забыл, – говорил, и сам понимал, что про военную науку можно не вспоминать.

Старик хохотнул:

– Ну, в моём хозяйстве грамота нужна, чтоб горшки пересчитывать, дак это я и сам умею. Думаю, в деревню идти тебе несподручно, враз беглого раба признают, люди ведь разные, старосте донесут, тот словить прикажет.

Кряхтя, старик встал, приставив ладонь козырьком ко лбу, оглядел стадо. Козы не давали набрать пастбищу силу после летней суши, ежедневно объедая траву, и от голода так и норовили уйти в лес на обед хищникам.

– Видок у тебя, купец, страхолудный. Кто ты таков, за стадий признать можно, – повторил старик. – И сказать мне сельчанам про тебя нечего. Кто поверит, что старый Писандр купил раба или нанял работника? И родичей моих сельчане наперечёт знают, не соврёшь. Но помогу я тебе. Одежу принесу, еды, сыру там, лепёшек. Путь обскажу, не сомневайся, в беде не брошу. Идти тебе на побережье, а там перебираться на Эвбею. На Эвбее на зиму устроишься в работниках у кого, да хоть в кузню. Мужик ты крепкий, возьмут молотом стучать. Только подолгу на одном месте не живи, начнут приглядываться, что-нибудь заподозрят. Нынче домой тебе не попасть. Пока дойдёшь, последние корабли уйдут. Перезимуешь, весной или наймёшься гребцом, или, может, денег заработаешь. Вот такой мой совет тебе. Я тебе помогу, ну и ты мне помоги, коль обещал. Завтра принесу топор, дров мне наготовишь, не то опять всю зиму со старухой мёрзнуть придётся. Веришь, нет, все щепки пожгла, обед приготовить не на чем. Дров наготовишь, я быков найму перевезти, погрузить поможешь. Ну что, уговор?

– Уговор, – с радостью ответил Анаксимандр, протягивая руку, и тут же проворчал: – Ножницы завтра принеси, волосы да бороду подстричь.

Ночевал беглец в шалашике, полночи спал спокойно: Писандр уверил, что дикий зверь сейчас сыт и не опасен.

Разбудило Анаксимандра непонятное беспокойство. Некоторое время лежал с закрытыми глазами, слушая уже ставшую привычной ночную тишину леса. Тишина была относительной, шелестели листья, шуршала трава, прокричала ночная птица. В лесу шла обычная ночная жизнь, ничто не говорило о присутствии крупного хищника, но беспокойство не отступало, и,

сжимая палицу, Анаксимандр выбрался из шалаша, хоронясь за деревьями, пробрался к самой опушке. Луна светила за горой, на пастбище лежала тень. И тут он живо представил, как по склону идут люди. Много людей, злых, враждебных, желающих ему гибели. Как он мог довериться старику? Естественно, тот поостерегся вступить с ним в схватку в одиночку, дома сообщит старосте, и тот устроит охоту. Подозрения свергли Анаксимандра в раздумья. Без помощи пастуха не обойтись, для того и обратился к нему, но и слепо доверять нельзя. Отойдя вдоль по опушке пару плетров, влез на бук с намерением провести на дереве остаток ночи. Понемногу светало, темь отступала. Настороженный слух уловил собачий брех, овечьё бляенье, подали голос быки – деревня просыпалась. Анаксимандр мощно поворочал плечами, размял мышцы – наступал важный момент. Показалось стадо, пастух шёл один. Появление старика в одиночестве не рассеяло подозрений. Конечно же, преследователи пойдут лесом, а не по открытому пространству. Каким же он оказался непредусмотрительным и не отошёл от шалаша ещё дальше. Вместе с подозрениями в голове крутилась прямо противоположная мысль. Если старик замышлял злое, зачем признался в догадке? Здравомыслящий человек так не поступит. Да и кто пойдёт ловить его, кому он нужен, у бедняков-землепашцев хватает своих забот. Вот если бы старик заманил его в деревню, устроил ловушку, тогда другое дело. Стадо приближалось, оставалось ждать. Козы сменили шаг на бег, гурьбой устремились к лесу. Старик добрёл до опушки, огляделся, сходил к шалашу, покричал, называя беглеца по имени. Анаксимандр ждал. Собаки вели себя мирно, не рычали, глядя в лес. Если бы кто-то тайлся в чаще, сторожевые псы непременно бы выдали его присутствие. Таящихся в засаде людей не обнаруживалось, и он решил спуститься с дерева. Старик, казалось, не удивился его отсутствию в шалаше, поприветствовал, пожал руку.

Обещание своё Писандр выполнил. Принёс старенькую, латаную, но вполне пригод-

ную для носки эксомиду из грубого тика, деревянные стуколки. Не поспешил и на еду, в торбе лежали куски сыра не менее двух мин, две ячменные лепёшки, чеснок, репа, маслины, бомбилий ёмкостью на одну котилу и лекиф на три котилы. В бомбилии оказалось масло, в лекифе – сильно разбавленное вино.

Пока старик занимался стадом, Анаксимандр вволю поел. Утолив голод, умастил тело, подошедший Писандр, качая головой и цокая языком смазал спину.

– Чем это тебя исполосовали?

– Истрихидой. Бич такой, в него заострённые косточки вплетают. Специально для наказания рудничных рабов измыслили.

– Ишь ты, сколь хитроумны люди. Н-да, – старик хмыкнул, спросил: – Чем раны лечивал? – Выслушав ответ, резюмировал: – Теперь маслицем смажешься, совсем оздоровеешь. Масло, оно завсегда полезно. Мажься, не жалей, я ещё принесу. Это ж надо так человека изуродовать. Скотину так не бьют. Ну, посидим маленько да пойдём. Отдохни.

Старику самому после перехода из деревни на пастбище требовался отдых. Промочив горло разбавленным вином, Писандр покачал головой.

– Это ж надо, человек за Элладу кровь проливал, а его в рабы эллины же определили. Нет справедливости на свете, – помолчав, пожевав губами, припомнил: – Не в обиду будь сказано, но ведь у Саламина-острова и вы, ионийцы, на стороне персов воевали.

Анаксимандр вздохнул:

– Что подделаешь, силой заставили. Я там не был, а кто ходил, рассказывали, в самом бою не участвовали, так, присутствовали для вида. Ни один иониец греха на душу не взял, не отнял жизни у своего брата-эллина.

– Это правда, – старик кивнул. – Говорить говорили, что в персидском флоте ионийские триеры есть, а самому с ионийцами сражаться не пришлось и ни от кого про такое не слышал.

Старик нашёл свежего собеседника. Воспоминания были приятны, сейчас, когда жизнь завершалась, хотелось припомнить

время, когда был ещё крепким мужчиной, рука насмерть разила врагов, жена смотрела с обожанием и не скупилась на ласки.

– Я вот думаю, не могли мы в том бою не победить, – раздумчиво говорил он. – Ведь отцы, матери, бабы наши с ребятишками на берегу стояли, на скалы влазили, смотрели, обороним мы их или отдадим на растерзание варварам. Как к бабе подойдёшь, если на её глазах тыл врагу казал? Что отец скажет? Нет, не могли мы тогда не победить персов.

Писандр повторялся, но не старческая расслабленность была тому причиной. По прошествии стольких лет он не мог поверить и понять, как малочисленный по сравнению с поработителями народ смог совершить небывалый подвиг, коего сам был участником.

– Ну а у Платей почему победили? – спросил Анаксимандр, словно бы с подначкой над стариковскими рассуждениями, но подначка была беззлобной, звучала не насмешкой, а дружеским подтруниванием, приглашая к откровенности и даже предполагала похвалу.

– Я так думаю, сама Афина Паллада незримой в наших фалангах билась. Говорю тебе, о смерти никто не думал, до самой крайней грани люди дошли, дальше всё, конец, гибель. Шибко на персов осерчали. Оно, если рассуждать, и верно, поддались бы в том бою, и конец вольнолюбивой Эллады, больше бы не поднялись. Лакедемоняне сколько-то отсиделись за Истмом, но и их бы взяли, не с суши, так с моря. И вот, веришь, нет, самого боя не помню, сколько ни вспоминал. Вот только самое начало и помню. Утром построились, как глянули, а их же море разливанное. От копий вся равнина сверкает как гладь озёрная в тихий полдень. Сколько око видит, строй за строем, идут и идут. А конницы! Отродясь столько не видел. От топота земля дрожала. Веришь ли, нет, но вот нисколько страху не было, одна злость, скорей бы сразиться. Как пеан запели, вперёд двинулись, с того времени всё в один комок смешалось. Рублюсь и рублюсь, как, с кем, все на одно лицо. Как щит у меня разбили, как руку посекали, и того не при-

помню. Да я в горячке сразу и не понял, что ранен. Говорю тебе, не иначе сама Афина Паллада нас в том бою вела, иначе бы не разгромили персов, – старик запустил руку в бороду, поскрёб подбородок. – А и то сказать. Боги-то, они не всякому помогают. Перво-наперво, чтоб человек боголюбивый был, на жертвы не скупился. Жертвы, они же разные. Боги по справедливости судят. Богатею, какому хоть десяток быков в жертву принести, никакого урона хозяйству не станет. А бедняк полгода обол к оболу собирает, чтоб на праздник овечку купить да богам угощение сделать. Боги видят это. Я так думаю, более всех богов Дионис бедняков уважает. Богатей сам виноградную лозу не сажает, не холит её, а богу это важно. И другое дело, самому шевелиться надо. Рассопливишься, разнюнишься, и боги от тебя отвернутся. А сам во всю мочь за дело возьмёшься, жертвы богам принесёшь, и боги тебе помогут. Ведь, по правде говоря, какой из беотийского землепашца-ополченца воин против мидянина или царского ратника, ежели те, как и спартиаты целыми днями в рубке упражняются? И числом нас, на сколько менее было. А вот победили же. Я так думаю, нам победа дороже жизни была, вот потому и победили, – старик опять замолчал, в который раз переживая пережитое и словно не веря в случившееся. По сути, воспоминания о битвах с поработителями-персами были его последним и единственным достоянием. И, окунаясь в воспоминания, старик чувствовал себя счастливее самого богатого богача, любимейшего из влюблённых, ибо воспоминания его касались несоизмеримо большего понятия, чем личные чувства, успехи или неуспехи на жизненном поприще.

Это была первооснова всех вещей, понятий и явлений. Всё вторично, первооснова – первична. Смертные, утверждающие обратное, скудоумны, себялюбивы и легковесны, как сухой навоз. Горе государству, в коем скудоумцы прельстительными речами своими добиваются водительства общества. Себялюбцы процветают, государство гибнет. Старик по недостатку образования, времени не имел привычки к размышлени-

ям о высоких материях. Видики его души состояли из первоосновы, и истину он понимал подсознательно, сознание было занято тяготами брэнной жизни.

– Вот так-то. Что-то мы с тобой, друже, заболтались. – Писандр, опираясь на посох, поднялся, побряхтел и направился наискосок по склону.

Пастух нёс овечью шкуру, Анаксимандр – топор на длинной ручке и сумки с провизией. Умашённое тело само плыло по воздуху. Великое дело свершила Афина Паллада, подарив эллинам оливковое дерево. Незаменим его плод, и в пищу идёт, и телу облегчение приносит.

– Ты шибко толстые деревья не руби, – наставлял старик, – не совладать мне с ними потом. Шалашик поставь, на шкуре спать будешь. Водицы испить, умыться, вон там ключик есть, – старик показал на противоположную сторону лощины. – А я наведываться буду. Стадо пригоню и к тебе заскочу. Зверя не бойся. Львов тут нет, а медведь, волк, он сейчас сытый, человека не тронет. Да и топор у тебя настоящий.

– Я костёр разведу у шалаша, – ответил Анаксимандр, показывая своё неказистое кресало и пучок сухого мха.

– Ну, добре. Ты уж постарайся. Веришь, нет, добедовались со старухой, обед не на чем приготовить, а из меня какой дровосек?

Старик ушёл, и Анаксимандр, поплевав на ладони, принялся за работу. Работа была тяжёлой. У дровосека, казалось, трещали кости, когда приходилось ворочать тяжеленные брёвна. Но, несмотря на усталость, завтра хотелось сделать больше, чем сегодня. За четыре дня Анаксимандр навалил и разделал деревьев на пять возов. Писандр не знал, как и благодарить. На пятый день поутру пришёл с быками, возком. Коз в этот день пас соседский мальчишка. Анаксимандр рискнул войти в деревню, и дрова возили до темноты. Подстриженный, с подравненной и умашённой бородой, одетый в эксмиду, обутый в сандалии, он походил не на беглого раба, а на странствующего подёнщика. Дабы Анаксимандр скрыл клеймо на лбу, прикрываемое ранее волосами, старик снабдил своего работника петасом,

поношенным и потерявшим первоначальный белый цвет, но целым.

Старуха пекла лепёшки, варила кашу, хозяин и работник пили в меру разбавленное вино.

Осушив вторую чашу, Писандр посмотрел на гостя, блеснув в отсветах пламени очами, молвил с просительными интонациями в голосе:

– Сказывал ты, что грамоте добре разумеешь. Будь другом, уважь старого вояку, почитай из Эсхила про персов.

Гость поскрёб возле уха, посмотрел на выступивший в черноте ночи млечный след, кой оставила разгневанная богиня.

– Я готов доставить тебе радость, старче. Всю трагедию не помню, но место, где гонец рассказывает царёвой матери про Саламинский бой, заучил наизусть. Сейчас начну, дай только припомнить.

Глядя поверх крыши лачуги на хвост Волопаса, Анаксимандр продекламировал:

*Но Артембара – десять тысяч конников
Он вёл – прибой качает у Силенских скал.
И с корабля Дедак, начальник тысячи,
Слетел пушинкой, силе уступив копья.
И Тенагон отважный, житель Бактрии,
На острове Аянта ныне дом обрёл.
Лилей, Арсам, Аргест расшибли головы
Себе о камни берега скалистого...*

Старик наполнил чаши, одну из рук в руки передал гостю. Когда тот хорошим глотком вернул свежесть горлу, похвалил:

– Ай, молодец! Хорошо читаешь, как по писанному. Так и было, так и было. Много персидских вождей нашли себе могилу в Саламинском проливе. А ещё что помнишь?

Анаксимандр сделал ещё глоток. Жена пастуха, управившись с варевом, поставила перед мужчинами тарелки с кашей, стояла у стола, сложив на животе руки. Не часто доводилось ей слушать стихи, да ещё писанные не о деяниях богов, а подвигах смертных.

– Атосса, мать Ксеркса, спрашивает у гонца, как завязался бой, и вот, что тот рассказывает:

*Всех этих бед началом, о владычица,
Был некий демон, право, некий дух.
Какой-то грек из воинства афинского*

*Пришёл и Ксерксу, сыну твоему, сказал,
Что греки сразу, как наступит мрак
ночной,*

*Сидеть не станут больше, а рассы-
плются*

*По кораблям и, правя кто куда, тайком
Уйдут подальше, чтобы только жизнь
спасти.*

Когда чтец дошёл до слов:

*Раздался клич могучий: «Дети эллинов,
В бой за свободу родины! Детей и жён
Освободите, и родных богов дома,
И прадедов могилы! Бой за всё идёт!»*

Писандр подскочил на лавке, ударил кулаком по столу, воскликнул:

– Говорил я тебе, не могли мы не победить в том бою. Ну, давай, давай дальше.

Анаксимандр допил вино из чаши, закончил чтение. Писандр посидел некоторое время молча, неожиданно вскочил, устремился в лачугу. Старуха, жена его, посмотрела вслед, покачала головой.

– Ну, развоевался старый, – обратилась к гостю: – Ты ешь, ешь. Вот сколько работы исделали. А то мой вояка и поесть не даст.

Не успел Анаксимандр проглотить и пары ложек, как в дверях лачуги появился её хозяин с длинным предметом в руках. Быстрые движения, волнение вызвали у старика отдышку. Переведя дух, положил предмет на стол. Гость, едва старик достиг освещённого пространства, догадался, что за предмет тот держал в руках, и недоумевал, к чему бы это. Отдышавшись, Писандр молвил:

– Прими, друг Анаксимандр, в дар от меня меч. Потешил ты стихами душу мою. Спасибо тебе.

Растроганный Анаксимандр развернул холстину, вынул из ножен короткий лакедемонский меч. Оружие находилось в хорошем состоянии, хоть сейчас в бой.

– Спасибо, Писандр. Хотя я человек мирный и не любитель оружия, подарок твой принимаю с радостью и благодарностью. Кто знает, как судьба сложится, вдруг да доведётся быть тебе в Милете, так знай, в мой дом приходи, как в свой.

Молвил и подумал, что скорее теперь умрёт, чем позволит вдругорядь надеть на

себя цепи раба. Слова его тронули сердце старика, и он вновь вошёл в дом. Вернулся оттуда с двумя черепками и стилем. Протянув один черепок гостю, произнёс прочувствованно:

– По сердцу ты мне, Анаксимандр. Ты для меня не раб, а свободный человек. Если дружбой неграмотного геомора не брезгуешь, будем друг другу гостеприимцами.

Анаксимандр взял из рук старика стиль, нацарапал на своём черепке, что он, такой-то и такой-то, является гостеприимцем Писандра, сына Креонта, афинянина. Писандр принял черепок, нацарапал на своём соответствующую надпись, подал гостеприимцу, разлил в чаши остатки вина из кратера.

– Ну, за добрый путь тебе, Анаксимандр, чтоб счастливо до дома добрался, – отпив половину вина, утёр лицо. Гостю показалось, что из глаз хозяина выступили слёзы. – А вот знающие люди сказывали, Эсхил сам в битве у Саламина участвовал, потому так верно всё и описал.

– Да-да, Эсхил – участник той битвы, – подтвердил учёный гость. – Да ты, может, сражался с ним плечом к плечу. Он и при Платеях тоже бился.

– Кто знает, может, и виделся с ним. Так он тогда ещё знаменитым не был, а позже я уж в Афинах, в театре не бывал, на лицо его не видел. Увидал бы, может, и признал, так всё понаслышке знаю.

Впервые за долгое время Анаксимандр ночевал, хотя и в бедном, но настоящем человеческом жилище. Свои посулы Писандр выполнил с лихвой. Кроме выданной ранее одежды, снабдил гостеприимца полотняным хитоном, шерстяной хламидой, просторными кожаными эмбадами и в преддверии холодов – штанами из козьей шкуры, к мечу добавил нож. Старуха собрала щедрую сумку с сыром, лепёшками, чесноком, солёными маслинами и двумя кувшинами. В один, поменьше, налила оливковое масло, во второй, побольше – вино. Перед рассветом Анаксимандр поднялся. Старик, не устая объяснять дорогу на побережье, проводил гостя через всю деревню.

(Продолжение следует)